

ПОД ЗНАКОМ
БЛИЗНЕЦОВ

ИЗАБЕЛЬ

Он стоял у окна, спиной к ней. С карниза свисали выцветшие шторы, купленные лет сорок назад. Яркие-красные розы выгорели на солнце, а ткань сильно поредела, поэтому шторы давно уже не сдавали в чистку из боязни, что они просто расплзутся. Но Таппи привыкла к ним, как привыкают к старым друзьям. Ее дочь Изабель несколько лет пыталась убедить ее купить новые, и каждый раз Таппи говорила: «Они проводят меня в последний путь», не слишком задумываясь о смысле этих слов.

«Проводят в последний путь». Кажется, этот момент приблизился. Ей семьдесят семь, и до сих пор она не жаловалась на здоровье, но, в очередной раз навозившись в саду, подхватила простуду, которая обернулась пневмонией. Когда Таппи наконец выбралась из темного тесного туннеля, каким показалась ей болезнь, то обнаружила, что рядом с ее постелью дежурит сиделка и трижды в день приезжает доктор. Сестру-сиделку, вдову из Форт-Уильяма, звали миссис Маклеод. Она была высокой, костлявой и чем-то напоминала надежную выносливую лошадь. Накрахмаленный нагрудник белого передника, надетого поверх темно-синего форменного платья, неуклюже оттопыривался на ее плоской груди, а башмаки были из тех, которые называют «прощай, молодость». Но, несмотря на внешнюю суровость, сестра-сиделка обладала добрым сердцем.

Итак, уход в небытие уже не казался теперь каким-то отдаленным и невнятным событием, а стал неумолимой холодной неизбежностью.

Смерть несколько не пугала Таппи, но она подступила не вовремя. Ее мысли скользнули в прошлое (в последнее время она

все чаще думала о прошлом), и она вспомнила себя молодой двадцатилетней женщиной, осознавшей, что она беременна. Тогда она была в панике: ведь это означало, что к декабрю ее живот будет круглым, как бочка, и она не сможет пойти ни на одну рождественскую вечеринку с танцами. Свекровь тогда утешила ее, бросив коротко: «Дети всегда рождаются не вовремя». Возможно, то же самое относится и к смерти. Надо просто принимать ее тогда, когда она приходит.

Утро было ясным, но сейчас солнце скрылось. Сквозь окно, у которого стоял доктор, в комнату проникал холодный свет.

— Дождь собирается? — спросила Таппи.

— Больше похоже на туман. Островов совсем не видно. Эгг скрылся еще полчаса назад.

Таппи задумчиво смотрела на него: высокий, крепкий мужчина в выдавшем виды твидовом костюме стоит у окна, словно забыв, зачем он здесь оказался. Хороший врач, такой же хороший, каким был его отец. Она помнила его еще мальчуганом в коротких штанишках, с разбитыми коленками и волосами, испачканными песком, и долго не могла привыкнуть к мысли, что именно ему должна рассказывать о своих хворях.

Она с грустью отметила седину в его волосах, на самых висках, и почувствовала себя совсем дряхлой. Это чувство было сильнее даже мысли о смерти.

— Ты седеешь, — с каким-то упреком сказала Таппи, как будто он не имел права на подобную вольность.

Он повернулся, провел рукой по волосам и печально улыбнулся:

— Знаю. Позавчера мне об этом сказал парикмахер.

— Сколько тебе лет?

— Тридцать шесть.

— Совсем мальчишка. Тебе рано седеть.

— Наверное, это ваша болезнь меня доконала.

Пуловер, который он носил под твидовым пиджаком, начал распускаться у ворота. Сердце Таппи сжалось. О нем совсем некому позаботиться. И вообще, что ему делать здесь, в этом глухом городишке? Лечить болячки местных жителей — рыбаков и фермеров? Ему бы работать в Эдинбурге или Лондоне, в солид-

ной клинике, и ездить на «бентли». Он мог бы преподавать в университете или заниматься научными исследованиями, писать статьи и книги.

Он был блестящим студентом, учился вдохновенно, строил планы на будущее, и все были уверены, что ему уготована многообещающая карьера. Но затем он встретил в Лондоне эту глупую девицу; Таппи с трудом вспомнила ее имя — Диана. Он привез ее сюда, в Тарбол, где она никому не понравилась, но все возражения только укрепляли в нем решимость жениться. Это было вполне в его характере: Хью всегда отличался ослиным упрямством, которое при встрече с препятствием только усиливалось. Его отцу следовало это знать. Старый доктор Кайл все сделал неправильно, думала Таппи, и, если бы он был жив, она бы высказала ему все без обиняков.

В конце концов этот неудачный брак закончился трагедией, и, когда все было кончено, Хью вернулся в Тарбол, чтобы занять место отца.

А теперь он живет один, унылый стареющий холостяк. И слишком много работает. Таппи знала, что он заботится о себе гораздо меньше, чем о своих пациентах. Знала она и то, что слишком часто он проводит вечера в местном пабе, где на ужин ему подают кусок пирога и стакан виски.

— Почему Джесси Маккинзи не починит тебе свитер? — спросила она.

— Не знаю. Я забываю попросить ее об этом.

— Тебе надо снова жениться.

Он подошел к ее кровати, явно желая сменить тему разговора. И мгновенно маленький круглый комочек шерсти в ногах Таппи превратился в старого йоркширского терьера и, приподнявшись, как кобра, над одеялом, грозно зарычал, обнажая изъеденные временем желтые клыки.

— Сасси! — прикрикнула Таппи.

— Это не была бы Сасси, если бы она не пыталась вцепиться мне в глотку каждый раз, когда я приближаюсь к вам, — невозмутимо сказал доктор. Он нагнулся и взял свой саквояж. — Мне надо идти.

— К кому ты теперь?

— К миссис Купер. А потом к Анне Стоддарт.
— А что случилось с Анной? Заболела?
— С Анной все в порядке. И даже очень. Скажу вам по секрету: она ждет ребенка.

— Анна? После стольких лет? — радостно переспросила Таппи.

— Да. Я решил, что эта новость поднимет вам настроение. Но только никому не говорите. Она хочет пока сохранить это в тайне.

— Я не обмолвлюсь ни словечком. Как она себя чувствует?

— Нормально. Ее даже не тошнит по утрам.

— Я так за нее рада. Она должна выносить этого ребенка. Присматривай за ней как следует. Да что я говорю, конечно, ты сделаешь все, что нужно. Я действительно рада.

— Хорошо. Чем еще я могу вас порадовать?

Таппи снова уставилась на дырку в свитере доктора. Ее мысли естественным образом перешли с младенцев к свадьбам и неминуемо — к ее внуку Энтони.

— Я скажу тебе, чего я хочу. Я хочу, чтобы Энтони привез сюда Розу.

— А что, он не хочет этого делать? — спросил доктор после некоторого колебания, столь короткого, что Таппи убедила себя, что ей это показалось.

Она бросила на него быстрый взгляд, но он опустил глаза, завозившись с застежкой саквояжа.

— Прошло уже четыре месяца с тех пор, как они обручились, и я хочу увидеть ее. Я не видела Розу с тех пор, как она и ее мать приезжали сюда пять лет назад и жили в доме на пляже. Я почти не помню, как она выглядит.

— Я думал, она в Америке.

— Да, она была там. Уехала туда сразу после помолвки. Но Энтони уверял, что она скоро вернется. Он обещал привезти ее в Шотландию, но почему-то не привозит. А я хочу знать, когда они поженятся и где будет свадьба. Надо многое обсудить и организовать, но стоит завести с Энтони разговор на эту тему, как он начинает плести что-то насчет дел, которые держат его в Эдин-

бурге, и пытается меня успокоить. Терпеть не могу, когда меня успокаивают. Меня это раздражает.

— Я поговорю об этом с Изабель, — пообещал доктор.

— Пусть она нальет тебе рюмочку шерри.

— Нет, я ведь иду к миссис Купер. — Миссис Купер заведовала местной почтой и была убежденным борцом с алкоголем. — Она и так обо мне не лучшего мнения, а уж если что-нибудь унюхает, мне не поздоровится.

— Глупая женщина, — сказала Таппи.

Они с доктором улыбнулись друг другу, и он ушел, закрыв за собой дверь. Сасси уютно свернулась клубком под боком у Таппи. Оконная рама слегка дребезжала от ветра; стекло затуманилось капельками дождя. Время близилось к обеду. Таппи легла поудобнее и, подчиняясь появившейся в последнее время привычке, погрузилась в воспоминания.

Ей семьдесят семь лет. Старость застала ее врасплох. Таппи Армстронг не чувствовала себя старой. Другие старели, но не она. Она вспомнила, какой была в старости ее бабушка. Потом мысли скользнули к Люсилле Элиот, героине романа «Трава милосердия»¹, главе целого семейного клана.

Впрочем, Таппи никогда не нравилась Люсилла, она казалась ей властной и деспотичной. А этот снобизм в одежде, пристрастие к маленьким черным платьям! У Таппи никогда в жизни не было такого платья. Много красивых нарядов, но ни одного маленького черного платья. А вообще-то, большую часть времени она с удовольствием носила твидовые юбки и вязаные кофты с заплатками на локтях: прочную удобную одежду, в которой можно не бояться, что зацепишься за колючую ветку в саду или попадешь под дождь.

Для торжественных случаев существовало синее бархатное платье, надевая которое сразу чувствуешь себя богатой и красивой. Особенно если побрызгаться туалетной водой и натянуть на распухшие от артрита пальцы старинные перстни. Может быть, когда Энтони привезет Розу, устроить званый ужин? По-

¹ «Трава милосердия» — роман английской писательницы Элизабет Гудж (1900–1984).

звать нескольких друзей... Таппи представила белоснежную скатерть, серебряные подсвечники и большой букет чайных роз.

Она всегда любила принимать гостей, и сейчас ее мысль невольно начала работать в этом направлении. Раз Энтони и Роза собираются пожениться, значит надо составить список гостей, которые будут приглашены на свадьбу со стороны Армстронгов. Лучше сделать это заранее, а список дать Изабель. Просто на всякий случай...

От этих мыслей ей вдруг стало не по себе. Таппи притянула к себе собачку и поцеловала в лохматую макушку. Сасси лизнула ее в ответ и снова погрузилась в сон. Таппи закрыла глаза.

Спускаясь вниз, доктор Хью Кайл замедлил шаги и остановился на повороте лестницы, держась рукой за перила. Его одолевало беспокойство. Не столько из-за здоровья Таппи, сколько из-за разговора между ними. Одинокая фигура доктора с тревожно нахмуренным лицом словно застыла посреди лестницы.

В просторном холле первого этажа было пусто. Стеклопакетные двери в противоположном конце холла вели в сад, террасами раскинувшийся на склоне холма. Море вдали погрузилось в туман. Доктор разглядывал натертый до блеска пол, изношенные ковры, латунную вазу с георгинами на комодке, негромко тикающие высокие старинные часы. Были и другие, менее живописные свидетельства существования семьи Армстронг: облупившийся трехколесный велосипед Джейсона, который занесли внутрь, чтобы спрятать от дождя, собачьи корзинки и миски, пара грязных резиновых сапог, брошенных у порога. Для Хью все это было родным и знакомым, поскольку он с детства часто бывал в Фернриг-хаусе. Но сейчас, казалось, весь дом замер в ожидании, что же будет с Таппи.

Никого не было видно; впрочем, это и неудивительно. Джейсон еще в школе, миссис Уотти, вероятно, готовит на кухне обед. А Изабель — интересно, где она, где ее искать?

Едва этот вопрос возник у него в голове, как в гостиной послышались шаги и стук когтей Пламмера по паркету. В следующий момент в дверях появилась Изабель, следом за ней трусил толстый старый спаниель.

Изабель встревоженно взглянула на Хью. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, затем Хью поспешно взял себя в руки и попытался придать лицу бодрое выражение.

— Изабель, я как раз раздумывал, где мне тебя найти.

— Как Таппи? — еле слышно спросила она.

— Не так уж плохо.

Хью начал спускаться вниз.

— Я подумала... Когда я увидела, что ты стоишь там... Я подумала...

— Извини, я просто отвлекся. Я не хотел пугать тебя.

Его слова не убедили Изабель, но она попыталась улыбнуться. Ей было пятьдесят четыре года, застенчивой домоседке, которая так и не вышла замуж и посвятила себя матери, дому, саду, подругам, собаке, племянникам, а теперь еще и маленькому внучатому племяннику, Джейсону, которого оставили здесь уехавшие за границу родители. Ее волосы, ярко-рыжие в юности, теперь приобрели песочный оттенок с проблесками седины, но прическу она ни разу не меняла, сколько Хью себя помнил. Не изменилось и выражение ее лица, до сих пор по-детски простодушное. Голубые глаза были ясными, как у младенца, и изменчивыми, как небо в ветреный день; в них, словно в зеркале, отражались все ее чувства. То они сияли радостью, то блестели от слез, которые Изабель так и не научилась сдерживать.

Сейчас эти глаза, глядящие на Хью, наполняла боль. Было ясно, что его напускная веселость совершенно не успокоила Изабель.

— Она... она умирает?

Ее губы с трудом прошептали страшное слово. Хью взял ее под руку, завел обратно в гостиную и закрыл дверь.

— Да, она может умереть. Она немолода и перенесла тяжелую болезнь. Но у нее стойкий организм. Она крепка, как старый здоровый корень. И шансы выкарабкаться довольно высоки.

— Как подумаю, что она станет инвалидом и не сможет заниматься тем, что любит... Это будет угнетать ее.

— Да, я понимаю.

— И что нам делать?

— Ну... — Он откашлялся и потер рукой шею. — Есть кое-что, что сможет поднять ей дух. Если бы Энтони приехал сюда и привез с собой ту девушку, с которой он обручен...

Изабель, как и Таппи, тоже помнила Хью упрямым мальчишкой, а потому накинулась на него:

— Не называй ее «та девушка». Это звучит ужасно. Ее зовут Роза Шустер, и ты знаешь ее так же хорошо, как и все мы, по крайней мере знаком с ней.

Изабель всегда бросалась на защиту любого, кто имел хоть какое-то отношение к семье.

— Извини. Пусть будет Роза. Так вот, Таппи очень хочет увидеть ее снова.

— Мы все хотим ее увидеть, но она уехала к матери в Америку. Эта поездка была запланирована еще до того, как они обручились с Энтони.

— Да, я знаю, но, возможно, она уже вернулась. Таппи волнуется из-за этого. Может быть, надо слегка подтолкнуть Энтони, уговорить его привезти Розу сюда хотя бы на выходные.

— Он всегда так занят...

— Я уверен, что если ты объяснишь ему ситуацию... Скажи ему, что лучше не откладывать.

Как и опасался Хью, глаза Изабель мгновенно заблестели слезами.

— Ты действительно считаешь, что она умирает? — Она терла рукав в поисках носового платка.

— Изабель, я этого не говорил. Но ты же знаешь, как Таппи относится к Энтони, как много для нее значит его приезд. Энтони для нее скорее сын, чем внук.

— Да. Да, я понимаю. — Изабель высморкалась и спрятала носовой платок. Чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, она обвела комнату глазами и остановила взгляд на графинчике с шерри. — Выпей рюмочку, Хью.

Он рассмеялся, снимая напряжение.

— Нет, я сейчас иду к миссис Купер. У нее опять сердцебиение, и оно только усилится, если она почует, что я выпил.

Изабель невольно улыбнулась. Миссис Купер всегда была объектом семейных шуток. Они вместе вышли из комнаты в холл.

Изабель распахнула входную дверь, и в дом ворвался сырой и холодный утренний воздух, наполненный капельками тумана. Припаркованная у крыльца машина доктора поблескивала мокрыми боками.

— И обещаю, что позвонишь мне, если возникнет хоть малейший повод для беспокойства.

— Позвоню. Хорошо, что у нас есть сестра-сиделка. С ней я меньше беспокоюсь.

Именно Хью посоветовал, чтобы они наняли сиделку: «Иначе Таппи придется положить в больницу». Это предложение вызвало у Изабель массу панических мыслей. Видимо, Таппи серьезно больна, и потом, где найти сиделку? И вдруг это не понравится миссис Уотти? Вдруг она обидится?

Но Хью настоял на своем, и все устроилось. Миссис Уотти подружилась с сестрой, а Изабель получила возможность спать по ночам. Можно было без преувеличения сказать, что с Хью они чувствовали себя как за каменной стеной. Доктор сел в машину и поехал по короткому проезду, между кустами мокрых от дождя рододендронов, мимо домика, где жила чета Уотти, и через выкрашенные белой краской ворота. Изабель смотрела вслед, пока машина не скрылась из вида. Начался прилив, и было слышно, как внизу, под садом, бьются о скалы волны.

Она поехала и вернулась в дом, чтобы позвонить Энтони.

В холле Изабель присела на край комода и принялась искать телефон конторы в Эдинбурге, где работал Энтони. Она никогда не запоминала номера, даже те, которыми пользовалась постоянно. Глядя одним глазом в книгу, она аккуратно набрала номер и стала ждать, когда кто-нибудь возьмет трубку. Ее мысли тревожно металась в разных направлениях. Георгины завтра завянут, нужно будет срезать свежих; а вдруг Энтони ушел обедать? Нельзя быть такой эгоисткой по отношению к Таппи. Каждому человеку приходит время умереть. Если Таппи не сможет ухаживать за своим любимым садом и гулять с Сасси, ей не захочется больше жить. Но какая невыносимая пустота останется в их жизни! Изабель невольно начала истово молиться. «Не дай ей умереть. Не дай нам потерять ее сейчас. О Господи, будь милостив к нам...»

— «Маккиннон, Карстерз и Робб». Чем могу помочь?

Молодой жизнерадостный голос вернул Изабель к действительности. Выудив носовой платок, она вытерла глаза и заставила себя успокоиться.

— Извините, я только хотела узнать, можно ли поговорить с мистером Армстронгом. Мистером Энтони Армстронгом.

— Как вас представить?

— Мисс Армстронг. Я его тетя.

— Минуточку.

Пара щелчков, пауза, и затем чудесным образом раздался голос Энтони:

— Тетя Изабель?

— О, Энтони...

Он мгновенно встревожился:

— Что-то случилось?

— Нет. Ничего. — Изабель постаралась взять себя в руки. — Приезжал Хью Кайл. Только что уехал.

— Таппи стало хуже? — прямо спросил Энтони.

— Он... Он говорит, что она замечательно держится. Что она крепка, как старый здоровый корень. — Изабель попыталась произнести это весело, но голос предательски дрогнул. Она не могла забыть мрачное выражение, которое успела увидеть на лице Хью. Не скрывает ли он от нее правду? — Хью разговаривал с Таппи и сказал, что она хочет, чтобы ты приехал и привез с собой Розу. Кстати, от нее есть какие-нибудь известия? Она вернулась из Америки?

На другом конце провода воцарилось молчание. Чтобы заполнить его, Изабель начала бормотать:

— Я знаю, ты все время занят, и не хочу тебя беспокоить...

— Все в порядке, — наконец заговорил Энтони. — Да, она вернулась в Лондон. Я получил от нее письмо сегодня утром.

— Для Таппи это очень важно.

Снова пауза. Затем Энтони задал вопрос:

— Она умирает?

Изабель не смогла сдержать слез. Она разрыдалась, злясь на себя, но не в силах остановиться.

— Я... я не знаю. Хью пытался успокоить меня, но я никогда еще не видела его таким озабоченным. Будет ужасно, если с Таппи что-нибудь случится, а она так и не увидит вас с Розой вместе. Ваша помолвка столь много для нее значит. Если бы ты привез Розу, это могло бы взбодрить ее. Дать ей стимул...

Изабель не могла продолжать. Слезы застилали ей глаза. Силы вдруг покинули ее, и она почувствовала себя очень одинокой. Снова высморкавшись, она беспомощно проговорила:

— Сделай что-нибудь, Энтони...

— Я не думал... — потрясенным голосом сказал он.

— Я и сама только сейчас поняла.

— Хорошо, я свяжусь с Розой. Что-нибудь придумаю. Мы приедем в следующие выходные. Обещаю.

— Спасибо, Энтони.

Ей сразу стало легче. Они приедут. Если Энтони пообещал, он все устроит. Он всегда держит слово, что бы ни случилось.

— И не слишком нервничай из-за Таппи. Раз Хью говорит, что она крепкая, значит так оно, наверное, и есть. Она всех за пояс заткнет и, может быть, даже нас переживет.

Изабель рассмеялась:

— Всякое бывает.

— Вот именно, — отозвался Энтони. — Увидимся в следующие выходные.

— Благослови тебя Бог.

— Не волнуйся. И обними за меня Таппи.

МАРСИЯ

— Нам пора домой, — сказал Рональд Уоринг, наверное, уже в пятый раз.

— Пора, — в пятый раз согласилась его дочь Флора, размлевшая от солнца и долгого купания.

Но ни один из них не двинулся с места. Примостившись на покато́й поверхности гранитной скалы, Флора всматривалась в прозрачно-синюю глубину каменного бассейна, созданного природой, их любимого места для купания. Предвечернее солнце, плавно скользящее вниз по небосклону, бросало на ее лицо последние теплые лучи. На щеках девушки засохла морская соль, мокрые волосы прилипли к шее. Она сидела, упершись подбородком в колени, обхватив себя руками. Море ослепительно сверкало, заставляя прищуривать глаза.

Была среда, чудесный день в конце лета. Или сентябрь уже считается осенью? Флора не помнила. Особая прелесть корнуолльского лета была в том, что оно долго не кончалось. Здесь, внизу, под защитой утеса, не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра, а скалы, впитавшие солнечные лучи, были теплыми на ощупь.

Начинался прилив. Первые струйки воды просочились между двумя обросшими ракушками скалами и выплеснулись в бассейн. Скоро эти струйки превратятся в поток, а зеркальную гладь воды разобьет нескончаемая череда накатывающихся валов. Вода покроет скалы, и каменный бассейн исчезнет, скроется из виду до тех пор, пока следующий отлив не обнажит его снова.

Сколько раз они сидели здесь вместе, зачарованные сентябрьским приливом! Но в этот вечер заставить себя встать и уйти было еще труднее, потому что это был последний вечер. Они

поднимутся по тропинке, идущей по склону утеса, как всегда, то и дело оглядываясь на океан. Потом пройдут через поле к дому, где их ждет Марсия, с ужином в духовке и цветами на столе. А после ужина Флора отправится собирать вещи, потому что завтра она возвращается в Лондон.

Все это было решено и спланировано заранее, но сейчас мысль об отъезде казалась почти невыносимой. Флоре всегда было тяжело расставаться с отцом. Она подняла голову и посмотрела на него. Он сидел на камне — худощавый и загорелый, в потрепанных шортах и латаной рубашке с закатанными выше локтя рукавами. Отец слегка повернул голову, следя глазами за бакланом, скользящим над самой поверхностью моря. Редяющие волосы, спутавшиеся после купания, упрямый подбородок.

— Я не хочу уезжать.

Он взглянул на нее и улыбнулся:

— Тогда оставайся.

— Мне надо ехать. Ты это знаешь. Мне надо прожить свою жизнь. Я слишком долго здесь оставалась.

— Я хотел бы, чтобы ты осталась навсегда.

У Флоры встал комок в горле.

— Ты не должен так говорить. Ты должен быть суровым и несентиментальным. Ты должен вытолкнуть своего птенца из гнезда.

— Ты уезжаешь не из-за Марсии?

— Конечно, в каком-то смысле из-за нее, но дело не в этом. Она мне очень нравится, ты ведь знаешь. — Увидев, что отец не улыбнулся, Флора попыталась обратить все в шутку. — Ну хорошо, она противная злая мачеха, как тебе такая причина? И я решила сбежать, пока она не заперла меня в чулане с крысами.

— Ты всегда можешь вернуться. Обещай мне, что ты вернешься, если не найдешь работу или что-то не сложится.

— Да найду я работу, не волнуйся.

— Я жду обещания.

— Хорошо, обещаю. Вот заявлюсь обратно через неделю, сам не обрадуешься. А теперь, — она подняла купальное полотенце и пару потрепанных босоножек, — нам пора домой.

Поначалу Марсия отказывалась выйти замуж за отца Флоры.

— Ты не можешь жениться на мне, — говорила она ему. — Ты старший преподаватель классических дисциплин в солидной школе. Тебе нужна солидная дама, которая носит фетровые шляпки и умеет управляться с твоими учениками.

— Мне не нравятся солидные дамы, — возражал Рональд несколько раздраженно. — Если бы они мне нравились, я бы давным-давно женился на сестре-хозяйке.

— Просто я не представляю себя в роли миссис Рональд Уоринг. Мне это как-то не идет. «Сейчас, мальчики, миссис Уоринг вручит серебряный кубок за победу в прыжках в высоту». И тут появляюсь я, спотыкаясь и запинаясь, забываю, что должна сказать, роняю кубок или даю его не тому мальчику.

Но Рональд Уоринг всегда был человеком, который знает, чего хочет. Он настаивал, убеждал и в конце концов добился своего. Они поженились в начале лета, в маленькой церкви, построенной в незапамятные времена, где пахло сыростью, как в пещере. Марсия надела очень красивое изумрудно-зеленое платье и огромную соломенную шляпу с опущенными полями, как у Скарлетт О'Хара¹. Рональд Уоринг был одет безупречно, носки подходили по цвету к костюму, а узел галстука не сползал вниз, как это бывало обычно. Из них получилась отличная пара, думала Флора. Когда счастливые молодожены вышли из церкви, она сделала несколько снимков, запечатлев, как свежий морской бриз едва не срывает широкополую шляпу с невесты и поднимает торчком, наподобие гребешка у какаду, редущие волосы жениха.

Марсия родилась и выросла в Лондоне и каким-то образом умудрилась не выйти замуж до сорока двух лет. Скорее всего, потому, что у нее просто не было на это времени, решила Флора. Марсия начала карьеру с обучения в театральной школе, некоторое время работала костюмершей в провинциальном театре, а потом жизнерадостно плыла по жизни, время от времени меняя род занятий самым неожиданным образом. В последнее

¹ *Скарлетт О'Хара* — героиня романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром».

время она работала в курортном магазинчике, торгующем арабскими плетеными вещичками.

Хотя Флора с самого начала полюбила Марсию и всячески приветствовала их союз с отцом, у нее оставались определенные сомнения насчет способности Марсии вести домашнее хозяйство. В конце концов, ни одной нормальной дочери не понравится, если отец постоянно будет питаться замороженной пиццей и консервами.

Но и в этом Марсия преуспела, удивив и отца, и дочь. Оказалось, она превосходно готовит, с энтузиазмом наводит порядок в доме да еще обнаруживает невероятный талант к занятиям садоводством. Овощи на грядках поднимались ровными стройными рядами, цветы распускались от одного взгляда Марсии, а кухонный подоконник украсили глиняные горшки с геранью и бальзамино.

Отец и дочь поднялись по крутой тропинке наверх и зашагали по полю к дому. Стало прохладно, и низкое солнце отбрасывало длинные тени. Марсия вышла навстречу. На ней были зеленые брюки и хлопчатобумажная блуза, искусно вышитая какой-то мастерицей. В лучах уходящего солнца пышные волосы Марсии казались расплавленным золотом.

Заметив ее, Рональд Уоринг поднял голову и ускорил шаг. Флора, едва поспевая за ним, думала, что между этими немолодыми уже людьми существует не просто взаимная симпатия, а настоящая страсть. И когда они встретились посреди поля, то обнялись без всякого смущения, словно после долгой разлуки. Может быть, именно это они и чувствовали. Ведь они так долго ждали друг друга.

Именно Марсия отвезла Флору следующим утром на станцию к лондонскому поезду. Каждый раз, садясь за руль, мачеха испытывала прилив необычайной гордости. Шутка ли, освоить вождение в ее возрасте.

Когда над ней подтрунивали по этому поводу, она всегда находила множество объяснений. Говорила, что у нее не тот склад ума, чтобы разбираться в механике, и машина ей не нужна, по-

тому что всегда находится кто-то, кто готов подвезти ее. Но, выйдя замуж за Рональда Уоринга, Марсия оказалась запертой в маленьком деревенском домишке на краю земли. И стало ясно, что время пришло.

Теперь или никогда, решила Марсия и начала брать уроки. Затем наступил черед экзаменов. Их она сдавала три раза. Первый раз провалилась, потому что наехала передним колесом на ногу констеблю. Во второй раз, въезжая задним ходом на площадку для парковки, она нечаянно опрокинула детскую коляску, по счастью в тот момент пустую. Ни Флора, ни ее отец не могли представить, что у Марсии хватит духу начать все заново, но они недооценили ее. Она пошла сдавать экзамен в третий раз и наконец получила права. Поэтому, когда Рональд с сожалением сообщил, что не сможет отвезти Флору к поезду, потому что должен присутствовать на каком-то заседании в школе, Марсия с небрежной гордостью произнесла: «Нет проблем. Я отвезу ее».

Флора обрадовалась. Она ненавидела прощания на вокзале, от гудков локомотива у нее всегда щемило сердце. Если отец поедет провожать ее, она может расплакаться, и расставание станет еще более тягостным для всех.

День снова выдался теплым и безоблачным; небо ярко синело, а заросли папоротника вдоль дороги отливали золотом. В воздухе была какая-то особенная, кристальная прозрачность, и все вокруг вырисовывалось необыкновенно четко и ясно. Марсия, чьи мысли довольно легко угадывались, начала напевать густым контральто: «Что за чудное утро, что за чудный день...», затем умолкла и начала шарить рукой под сиденьем в поисках сумки. Это означало, что ей нужна сигарета. Автомобиль вильнул и выехал на встречную полосу.

— Давай я достану, — поспешно сказала Флора.

Сунув сигарету в зубы Марсии, она поднесла зажигалку, чтобы той не пришлось снимать руки с руля.

Выкурив сигарету, Марсия запела: «Я чувствую, я знаю, все будет хорошо...» Потом она снова замолчала и нахмурилась.

— Дорогая, скажи честно, ты уезжаешь в этот ужасный Лондон не из-за меня?

В последнюю неделю этот вопрос задавался каждый вечер. Флора сделала глубокий вдох.

— Нет. Я же говорила вам, что нет. Просто я снова отыскала нить своей жизни и собираюсь продолжить с того места, на котором остановилась год назад.

— Не могу избавиться от чувства, что выжила тебя из дома.

— Это не так. Попробуй взглянуть на ситуацию с моей точки зрения. Зная, что отец нашел хорошую женщину, которая будет заботиться о нем, я могу с чистой совестью оставить его здесь и уехать.

— Мне было бы спокойнее, если бы я знала, что тебя ждет. У меня перед глазами стоит ужасная картина: ты сидишь в тесной комнатухе и ешь холодную фасоль из консервной банки.

— Я же говорила, что найду жилье. А пока что остановлюсь у своей подруги, Джейн Портер. Я обо всем с ней договорилась. Девушка, с которой они вместе снимают квартиру, уезжает отдыхать со своим парнем. Поэтому я смогу занять ее место. А к тому времени как она вернется, найду собственную квартиру и замечательную работу, так что все будет в порядке. — Увидев, что Марсия по-прежнему хмурится, Флора добавила: — Мне ведь двадцать два, а не двенадцать. Я превосходная стенографистка и машинистка. Так что беспокоиться не о чем.

— Ладно, но если что-то не заладится, обещаю, что позвонишь мне. Я приеду и по-матерински постараюсь помочь тебе.

— Я выросла без материнской заботы и вполне могу без нее обходиться, — сказала Флора. — Извини, — добавила она, — я не хотела тебя обидеть.

— Я и не обижаюсь, дорогая, это всего лишь констатация факта. Но знаешь, чем больше я об этом думаю, тем более странным это выглядит.

— Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь.

— О твоей матери. Бросить твоего отца и тебя, совсем малышку. То есть я могу представить, что женщина может уйти от мужа. Правда, я не понимаю, как можно оставить Рональда. Но бросить ребенка! Дичь какая-то. Если уж женщина завела ребенка, разве может она с ним расстаться?

— Я рада, что она не забрала меня с собой. Я не хотела бы ничего другого. Не знаю, как это папе удавалось, но у меня было замечательное детство.

— Ты знаешь, кто мы с тобой такие? Основатели клуба обожателей Рональда Уоринга. Интересно, почему она уехала? Я имею в виду твою мать. Там был другой мужчина?

— Нет, не думаю. Просто они не сошлись характерами. Так мне папа всегда говорил. Ей не нравилось, что он простой учитель без амбиций, а он не интересовался вечеринками с коктейлями. Ее раздражала его рассеянность, мешковатая одежда и то, что он все время пропадает в школе. И потом, совершенно очевидно, что он никогда не смог бы зарабатывать достаточно денег, чтобы обеспечивать такую жизнь, которая ей нравилась. Как-то раз я нашла в ящичке стола мамину фотографию. Изящная, элегантная, шикарно одетая. Не из папиного круга.

— И как их угораздило пожениться?

— Кажется, они познакомились, когда катались на горных лыжах в Швейцарии. Папа отличный лыжник — ты, наверное, этого не знаешь. Думаю, их ослепили снег и солнце, опьянил горный альпийский воздух. А может, она влюбилась, увидев, как он спускается с горы. В общем, это случилось, родилась я, а потом все кончилось.

Они уже выехали на шоссе, ведущее к маленькой железнодорожной станции.

— Надеюсь, Рональд не станет приглашать меня кататься на лыжах, — сказала Марсия.

— Почему бы нет?

— Я не умею.

— Для папы это не имеет никакого значения. Он обожает тебя такой, какая ты есть. Ты ведь это знаешь?

— Да, — призналась Марсия. — Я самая счастливая из женщин. Тебя ждет удача. Ты ведь родилась под созвездием Блинецов, и сегодня утром я посмотрела твой гороскоп. Все планеты движутся в нужном направлении, и ты сумеешь извлечь выгоду из благоприятной ситуации. — Марсия хорошо разбиралась в гороскопах. — Это означает, что в течение недели ты найдешь отличную работу, отличную квартиру и, может быть, познакомишься с высоким темноволосым мужчиной, который ездит на «мазерати». Такой вот набор.

— В течение недели? У меня не много времени.

СОДЕРЖАНИЕ

Под знаком Близнецов. <i>Перевод Е. Лозовской</i>	5
Дикий горный тимьян. <i>Перевод Г. Здорных</i>	265
Карусель. <i>Перевод Ю. Бабчинской</i>	535